

ISSN 2412-6039 (Online)

ISSN 2076-6297 (Print)

Journal of Institutional Studies

ЖУРНАЛ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТОМ 9

НОМЕР 2

2017

Журнал издается при поддержке
Международной ассоциации институциональных исследований

Journal of Institutional Studies

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
20 мая 2009 г. Свидетельство о регистрации средств
массовой информации ПИ № ФС77-36310

Журнал издается с 2009 г., выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Emerging Sources Citation Index Core Collection **Web of Science**.

Журнал включен в **Перечень ВАК Министерства образования и науки РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» **82295**.

Учредитель:

ООО «Гуманитарные перспективы»

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Нуреев Р. М. (*Финансовый университет при Правительстве РФ; НИУ ВШЭ*)

Заместители: Дементьев В. В. (ДонНТУ), Вольчик В. В. (ЮФУ)

Члены редакционной коллегии:

Аузан А. А. (*МГУ*), **Белокрылова О. С.** (*ЮФУ*),

Барсукова С. Ю. (*НИУ ВШЭ*), **Кирдина С. Г.** (*ИЭ РАН*),

Клейнер Г. Б. (*ЦЭМИ РАН, ГУУ*), **Латов Ю. В.** (*Академия управления МВД РФ*),

Левин С. Н. (*КемГУ*), **Литвинцева Г. П.** (*НГТУ*),

Малкина М. Ю. (*Нижегородский ГУ*), **Лемещенко П. С.** (*БГУ*)

Мау В. А. (*Академия народного хозяйства при Правительстве РФ*),

Полищук Л. И. (*НИУ ВШЭ*), **Сидорина Т. Ю.** (*НИУ ВШЭ*),

Розмаинский И. В. (*СПб. филиал НИУ ВШЭ*),

Шаститко А. Е. (*МГУ*).

Международный редакционный совет:

Андрефф В. (*University of Paris 1, France*),

Гриценко А. А. (*Институт экономики и прогнозирования НАН, Украина*),

Кохен С. (*Erasmus School of Economics, Holland*),

Леонард К. (*University of Oxford, UK*),

Маевский В. И. (*ИЭ РАН*), **Мизобата С.** (*Kyoto University, Japan*),

Цвайнерт Й. (*Hamburg Institute of International Economics (HWWI), Germany*).

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес редакции:

344082, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 43, оф. 10.

Наш сайт: www.hjournal.ru

Тел. +7 (863) 269-88-13

e-mail: hp@donpac.ru;

info@hjournal.ru

Journal of Institutional Studies

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Date of registration: 20th May, 2009.
Registration certificate PI № FS 77-36310.

Founded: 2009. Quarterly Journal.

Covered in Emerging Sources Citation Index Core Collection **Web of Science**.

Included in the List of the leading reviewed scientific journals and editions (approved by the Higher Attestation Commission by the Russian Ministry of Education and Science)

Included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index in «Russian Press» catalogue: **82295**.

Founder:

Ltd. «Humanities Perspectives»

Editor in Chief

Nureev R. M. (Financial University under the Government of the Russian Federation, HSE)

Deputy Editors: Dementyev V. V. (Donetsk National Technical University),

Volchik V. V. (Southern Federal University)

Editorial Staff:

Auzan A. A. (Moscow State University), Belokrylova O. S. (Southern Federal University),

Barsukova S. Yu. (HSE), Kirdina S. G. (IE of Russian Academy of Sciences),

Kleiner G. B. (Central Economic Mathematical Institute of Russian Academy of Sciences),

Latov Yu. V. (Academy of Management of the Interior Ministry of Russia),

Levin S. N. (Kemerovo State University), Litvintseva G. P. (Novosibirsk State Technical University),

Malkina M. Yu. (Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University),

Lemeschenko P. S. (Belarusian State University),

Mau V. A. (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Polischuk L. I.

(HSE), Sidorina T. Yu. (HSE), Rozmainsky I. V. (HSE in Saint Petersburg),

Shastitko A. E. (Moscow State University).

International Editorial Board:

Andreff V. (University of Paris 1, France),

Gritsenko A. A. (Institute for Economics and Forecasting of the National Academy of Sciences of Ukraine),

Cohen S. (Erasmus School of Economics, Holland), Leonard C. (University of Oxford, UK),

Maevsky V. I. (IE of Russian Academy of Sciences), Mizobata S. (Kyoto University, Japan),

Zweynert J. (Hamburg Institute of International Economics (HWWI), Germany).

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are available at <http://hjournal.ru>. Papers which do not follow the rules are rejected by the Editorial Staff. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Post-graduates' papers to be published are free of charge.

Editorial office:

*Pushkinskaya St., 43, office 10,
Rostov-on-Don, Russia, 344082.*

<http://hjournal.ru>

Phone: +7 (863) 269-88-13

e-mail: hp@donpac.ru;

info@hjournal.ru

СОВРЕМЕННАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Элснер В. Снова об институционалистской теории институциональных изменений: институциональная дихотомия в более формальном представлении	6
Стрелковски В., Попов Е. Экономическое моделирование в институциональной экономической теории	18
Сухарев О. С. Институциональная теория М. Олсона: «Принцип расширения»	29
Сушенцова М. С. Рациональность, мораль и экономическая координация: контуры взаимодействия	46
Розмаинский И. В., Ложникова А. В., Кичко Н. И., Хлопцов Д. М. Дача в постсоветской России: институциональный анализ	63
Поляков К. В., Касабов Г. В., Полякова М. В. Оценивание человеческих ресурсов в ходе реализации ресурсной стратегии спортивного клуба	80

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ

Теплова Т. В., Соколова Т. В., Теплов А. С. Качество институтов и импортозамещение капитала: межстрановое исследование рынка корпоративных облигаций	97
Верников А. В. Измерение институциональной динамики в области банковской деятельности	119

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Профессиональная идентичность городских учителей в условиях модернизации института образования	137
--	-----

CONTEMPORARY INSTITUTIONAL ECONOMICS

Elsner W. The Institutional Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy in a More Formal Perspective	6
Strelkowski W., Popov E. Economic Modelling in Institutional Economic Theory	18
Sukharev O. S. Institutional Theory of M. Olson: «The Principle of Expansion»	29
Sushentsova M. S. Rationality, morality and Economic Coordination: The Contours of Interaction	46
Rozmainsky I. V., Lozhnikova A. V., Kichko N. I., Khloptsov D. M. Dacha in Post-Soviet Russia: Institutional Analysis	63
Polyakov K. L., Kasabov G. V., Polyakova M. V. Valuation of Human Resource During the Implementation of Resource Strategy of Sport Club	80

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF FINANCIAL MARKETS

Teplova T. V., Sokolova T. V., Teplov A. S. Quality of Institutions and Import Substitution of Capital: Cross-country Research on the Corporate Bond Markets	97
Vernikov A. V. Measuring Institutional Change: The Case of the Russian Banking Industry	119

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF EDUCATION

Klimenko L. V., Posukhova O. Yu. The Professional Identity of Urban Teachers in the Context of Educational Modernization	137
--	-----

ДАЧА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

РОЗМАЙНСКИЙ ИВАН ВАДИМОВИЧ,

*кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургская школа экономики и менеджмента
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: irozmain@yandex.ru;*

ЛОЖНИКОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА,

*доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики и менеджмента
Национального исследовательского
Томского государственного университета,
e-mail: tfg@mail.ru;*

КИЧКО НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА,

*директор аудиторской компании «СТКМ Аудит»,
e-mail: tfg@mail.ru;*

ХЛОПЦОВ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

*доктор экономических наук,
Институт экономики и менеджмента
Национального исследовательского
Томского государственного университета,
e-mail: tfg@mail.ru*

В данной работе делается попытка исследовать феномен дачи в России с точки зрения институционального подхода в духе Д. Норта. Авторы анализируют, как дачи стали массовым явлением в позднем СССР и как экономическая и социальная роль дач стала повышаться в постсоветский период. Проанализирована специфика дезурбанизации постсоветской России с большим вовлечением горожан в сельский или «дачный» образ жизни. Показано, как «дачеизация» была связана с развитием семейно-кланового капитализма. Экономическая роль дач в постсоветской России подтверждена обширными статистическими данными. Эти данные демонстрируют, что в России дачи играют роль источника производства продуктов питания, а не места для отдыха и развлечений. Сделан вывод о том, что явный приоритет модели органического сельского хозяйства в дачных хозяйствах России есть решение проблемы, ранее описанной одним из авторов статьи (снижение качества товаров и услуг в условиях рыночной экономики), а также имеет фундаментальное научное обоснование в работах Д. И. Менделеева. С точки зрения авторов, в ближайшем будущем дачи сохраняют свое важное институциональное значение для россиян.

Ключевые слова: дача; институциональные изменения; институты; дезурбанизация; постсоветская Россия.

DACHA IN POST-SOVIET RUSSIA: INSTITUTIONAL ANALYSIS

ROZMAINSKY IVAN V.,

*National Research University Higher School of Economics,
Faculty of Liberal Arts and Sciences of the Saint Petersburg State University,
e-mail: irozmain@yandex.ru;*

LOZHNIKOVA ANNA V.,

*Tomsk State University,
e-mail: tfg@mail.ru;*

KICHKO NATALIA I.,

*Director of audit company «STKM Audit», Tomsk,
e-mail: tfg@mail.ru;*

KHLOPTSOV DMITRIY M.,

*Tomsk State University,
e-mail: tfg@mail.ru*

This paper tries to analyze the phenomenon of «dacha» according to D. North's approach to institutions. The authors explore how dacha has become mass phenomenon in the late USSR, and how social and economic role of dacha increased in the Post-Soviet period. The specific features of the Post-Soviet Russia's deurbanization has been studied. In particular, these features include large engagements of citizens in the rural way of life associated with dacha. It is shown how «dacha-ization» attributed to the crony capitalism. The economic role of dacha in Post-Soviet Russia is confirmed by comprehensive statistics, in particular. These data show that in Russia dacha serves rather as the source of food production than as place for leisure and recreation. The paper concludes that explicit priority of the model of organic agriculture in the dacha can be a kind of the solution of the problem of decreasing goods' quality in the market economy (earlier described by one of the authors of the current paper). Moreover, this priority was fundamentally argued by D. I. Mendeleev. The authors believe that dacha will remain as an important institution for the Russians in coming years.

Keywords: *dacha; institutional change; institutions; deurbanization; Post-Soviet Russia.*

JEL: *B50, E12, P00, P50, R00.*

*Ведь все мы, в конце концов,
произошли от первобытного сообщества
охотников и собирателей
Д. Норт*

*Очевидно, что в России достаточно земли и воды для того,
чтобы заниматься органическим земледелием.
Россия – крупнейший в мире земельный ресурс
с сотнями тысяч гектаров площадей, не тронутых
химикатами и ГМО, да еще и с 20% запасов
пресной воды всей планеты.
Н. Ефимова*

**Вместо введения: истоки формирования дачи
как института в советский период**

Одно из оригинальных положений институциональной теории Д. Норта связано с тем, что обычаи и традиции могут служить как эффективным заменителем формальных институтов, так и дополнять их. Неформальные нормы являются подсознательными, формируя альтернативные модели поведения. Поэтому изменения в неформальных ограничениях происходят постепенно и даже очень медленно по сравнению с возможными изменениями институтов формальных, поддерживаемыми в первую очередь государством. Что делается уже совершенно сознательно и порой одномоментно, без учета сложнейшей иерархии институтов. Таким образом, возникает конфликт между потенциально высокой скоростью принятия решений об изменениях формальных институтов в частности и недискретным характером институциональных изменений вообще. В контексте разрешения данного конфликта Д. Норт изложил в своей Нобелевской лекции следующий взгляд на институты.

«...Неоклассическая теория не тот инструмент, который требуется для анализа и определения политики, стимулирующей развитие. Ее интересует функционирование рынков, а не пути их развития. Но можно ли давать рекомендации по политике, не понимая, каким образом происходит экономическое развитие? Именно методы, которые применялись экономистами, исповедующими неоклассическую теорию, предопределили такой плачевный результат, так как фактически противодействовали развитию... В анализе эффективности экономики во времени средствами этой теории содержатся две ошибочных посылки, что, во-первых, социальные и политические институты не играют никакой роли, а, во-вторых, никакой роли не играет и само время... Социальные институты формируют структуру побудительных мотивов общества, а политические и экономические институты – именно в такой последовательности – являются базовой детерминантой эффективности экономики...» (Норт, 2006. С. 178–179). «Такой подход предполагает, что существующая институциональная среда ограничивает действия индивидов, но вместе с тем они могут менять институциональную структуру в соответствии со своими предпочтениями» (Гульбина, 2004. С. 123). Как позднее отмечал Д. Норт в своей последней монографии, «Доминирующие убеждения¹, т.е. те, которые разделяют политические и экономические предприниматели, способные определять политику, со временем вырастают в структуру институтов, определяющих экономическое и политическое поведение. Складывающаяся в итоге институциональная матрица накладывает серьезные ограничения на возможности выбора для лидеров, которые пытаются модернизировать существующие или создать новые институты для того, чтобы улучшить свои экономические или политические позиции» (Норт, 2010. С. 15). Хотя причинно-следственная связь от институтов к экономическому развитию далеко не всегда является однонаправленной (Chang, 2011), в данной работе мы будем исходить именно из нее. Кроме того, авторами статьи будет учитываться, что основная задача институтов, как с точки зрения теории Д. Норта (Норт, 2010, гл. II), так и в определенной степени близкой ей посткейнсианской теории (Розмаинский, 2016), состоит в минимизации неопределенности будущего. При этом разные институциональные системы с разной степенью эффективности уменьшают неопределенность. Это означает, что одни разновидности институтов способствуют успешному функционированию и развитию экономики, а другие, напротив, препятствуют.

Итак, основываясь на постулатах Д. Норта, проанализируем оригинальный феномен российского происхождения «дача» в экономическом и социальном аспектах.

История дачи насчитывает уже около 300 лет, причем в течение последних 50 лет этот феномен стал превращаться в институт. Дача была привилегией в Российской империи, а в «позднем» СССР при Л.И. Брежневле превратилась в массовое явление.

¹ Такие убеждения являются социальными конструктами. См.: (Greif and Moky, 2016).

«Колхозникам и единоличникам, ведущим подсобное хозяйство рабочим и служащим и другим гражданам разрешалось продавать продукты своего хозяйства в сыром или переработанном виде. Десятки миллионов мелких подсобных хозяйств вывозили на рынок свою продукцию. Собственные садовые участки имели 8,3 млн городских семей» (*Шварцбург, 2011. С. 66*).

Чтобы ярче подчеркнуть оригинальные особенности отечественной дачи советского образца, обратимся к текстам, написанным за границей. «В отличие от обычной западной жилищной модели, которая предполагает дом на одну семью с прилегающим садом, в Советском Союзе доминировала пространственно разорванная жилищная модель: небольшая квартира в городе и садовый участок в кооперативе без права собственности. Тем самым хотели предотвратить характерное для капиталистических стран расплывание урбанизированных территорий, а также индивидуализацию повседневной жизни людей... Пребывание на природе давало большее чувство свободы, самореализации и независимости. Жизнь на даче протекала более неформально. Дачи позволяли уйти в частную сферу из официально заорганизованной жизни. Там можно было отдохнуть душой, отрешиться в полном смысле слова» (*Браде, 2014. С. 34*). Концепт «дача» воспет в романе немецкого писателя из России В. Каминера «Моя жизнь на даче». «Дача... является одновременно местом проживания, отдыха и “пропитания”: рядом с домом есть сад, огород, деревянная баня, теплица, бассейн... Очевидно, что Каминер под русской дачей понимает некий естественный образ жизни, связанный с ведением натурального хозяйства, где все идет в дело и приспособлено для постоянного проживания... Русская дача у Каминера – это место жизни и работы, семейной жизни на лоне природы и в гармонии с ней» (*Новосельцева, 2008. С. 236*).

Мы полагаем, что в советское время дача представляла собой некое пространство, свободное от директивного планирования и прочих формальных институтов командно-административной экономики. С одной стороны, эти институты жестко ограничивали экономическую и социальную свободу граждан. С другой стороны, указанные формальные правила создавали основу для перманентного дефицита конечных продуктов и ресурсов (*Корнац, 2012*). Такой дефицит являлся следствием *инвестиционного голода*, т.е. безграничного спроса предприятий на ресурсы, спроса, обусловленного институтами планового социализма. Использование дачи не столько как места отдыха, сколько как места производственной активности, «подсобного хозяйства», было направлено на смягчение проблемы дефицита. Кроме того, мы готовы поддержать гипотезу о том, что по мере усложнения экономической активности – в виде, к примеру, расширения номенклатур изделий и увеличения количества промежуточных звеньев в производстве возможности централизованного руководства хозяйством все сильнее сужаются (*Грегори, 2008*). Ограничения плановой экономики создавали стимулы для «альтернативы» в виде повышения экономической роли дач. Именно к концу советской эпохи «дача» стала восприниматься как особый российский бренд, подобно «спутнику» или «перестройке», поскольку, как и эти два слова, в иностранных языках начало употребляться без перевода².

Несмотря на все это, советскую эпоху можно считать временем максимальной урбанизации за всю историю России. Именно в течение советского периода Россия стала «урбанистической страной», ускоренное развитие городов закладывалось в планы, именно здесь надо искать причины превращения в индустриальные центры таких городов, как Новосибирск или Кемерово. В среднем в советский период в стране появлялось около шести новых городов в год, правда, таким городам нередко фактически отводилась роль жилищно-коммунального придатка при предприятиях.

А вот в постсоветский период процессы урбанизации обернулись вспять, причем данная тенденция шла «рука об руку» с технологической деградацией отечественной экономики. И едва ли не ключевую роль в этом сыграл феномен дачи...

² О многозначности самого слова «дача» и о том, что в советское время дача играла роль «псевдособственности» см.: (*Нефедова, 2015. С. 1–2*), а о проблемах статистического измерения «дачеизации» см.: (*Нефедова, 2011. С. 172*).

Дача как фактор натурализации хозяйства в постсоветской России: дескриптивный статистический анализ

В постсоветской России экономическая роль дач стала увеличиваться. Характеризуя постсоветский процесс привыкания домохозяйств к рынку, П.В. Крючкова отмечает, что «...наряду с активизацией потребительского поведения происходил и, казалось бы, обратный процесс натурализации хозяйства. Определенные категории населения перешли на самообеспечение продуктами питания за счет личных подсобных хозяйств – ЛПХ (дач, огородов и т.п.)» (Крючкова, 2011. С. 15). Безусловно, с неоклассической точки зрения такая натурализация – нонсенс: трансформация планового хозяйства в рыночную экономику должна была бы усилить «рыночность» человеческих отношений и побудить людей вовлекаться в товарно-денежные отношения, во все большую специализацию и разделение труда. Однако этот нонсенс имел место в реальности, особенно в 1990-е гг. Хотя «в 2000-х гг. тяга горожан к сельскому хозяйству ослабла, но до сих пор их вклад в агропроизводство России неоправданно велик» (Нефедова, 2011. С. 163). Можно утверждать, что в нашей стране сформировался многочисленный слой дачников или «полугорожан». По данным Т. Нефедовой (Нефедова, 2011. С. 163), дачной недвижимостью обладают не менее 2/3 горожан. Неудивительно, что «по распространению дачной традиции и массовости второго жилья горожан в сельской местности Россия – чемпион мира» (Нефедова, 2015. С. 1).

Согласно опросам ВЦИОМ, в 2013 г. для 46% россиян дача была «скорее подсобным хозяйством, дополнительным источником дохода», в то время как для 45% дача являлась скорее «местом для отдыха и развлечений» (остальные затруднились ответить). Среди жителей малых и средних городов доля тех, для кого дача – «скорее подсобное хозяйство», достигла 54%, а среди жителей Сибирского федерального округа эта доля достигла 69% (для лиц, живущих на Дальнем Востоке, этот показатель существенно меньше – 44%) (ВЦИОМ, 2013б). При этом 68% опрошенных признались, что они на даче «выращивают сельхозпродукты для семейного потребления»; среди жителей малых и средних городов эта доля достигла 71%, среди жителей Сибирского федерального округа – 87%, Дальневосточного федерального округа – 65% (ВЦИОМ, 2013а)³. Понятно, что по стандартам рыночной экономики, с точки зрения неоклассической теории дача должна была бы быть именно местом для отдыха и развлечений, местом, где люди тратят деньги и проводят свободное время, а не занимаются производственной деятельностью.

Эти данные согласуются и с результатами опросов ФОМ в 2014 г.: 77% россиян делают заготовки продовольствия на зиму, причем для 42% эти заготовки являются существенной добавкой к покупаемым в магазине продуктам, а для 5% – основным питанием. На наш взгляд, здесь важно то, что 63% таких заготовок делались из продуктов, выращенных или произведенных на даче или в «личном подсобном хозяйстве», и только 33% – из продуктов, купленных на рынке или в магазине. В то же время в 2007 г. людей, делавших заготовки, было еще больше – 82% (Фонд «Общественное мнение», 2014). Все это – явные признаки «нерыночности» поведения «постсоветских россиян».

И все это согласуется с первыми итогами Всероссийской сельскохозяйственной переписи – 2016, опубликованными на сайте Росстата (Росстат, 2016). Как известно, переписи подлежали все юридические и физические лица, имеющие в собственности, владении или пользовании земли сельскохозяйственного назначения и (или) имеющие сельскохозяйственных животных.

³ В 2014–2016 гг. такие опросы ВЦИОМ, к сожалению, не проводились. Впервые подобный опрос был проведен ВЦИОМ в 2005 г., и тогда для 56,88% опрошенных дача оказалась «скорее подсобным хозяйством», а для 28,44% – «скорее местом для отдыха» (ВЦИОМ, 2005). В 2009 г. аналогичные ответы дали соответственно 66 и 26% опрошенных (ВЦИОМ, 2009), в 2010 г. – соответственно 57% и 38% (ВЦИОМ, 2010), в 2012 г. – соответственно 43 и 46% (ВЦИОМ, 2012). Таким образом, возможно, выводы некоторых исследователей об ослаблении интереса горожан к сельскохозяйственной деятельности в 2010-е гг., имеют основания. Однако такая тенденция если и существует, то пока что еще слаба.

Итак, самыми многочисленными оказались списки садоводческих объединений и личные хозяйства граждан. «По данным оперативного мониторинга Росстата, в ходе прошедшей в период с 1 июля по 15 августа 2016 г. на большей части территории России сельскохозяйственной переписи были собраны подробные статистические данные по 36,4 тыс. сельскохозяйственных организаций, 174,8 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, 18,2 млн личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан, 76,3 тыс. некоммерческих объединений граждан», – рассказал глава Росстата А. Суринов на состоявшейся в Москве пресс-конференции «Первые результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года» (*Росстат, 2016*).

А как изменились цифры по численности основных субъектов сельскохозяйственного производства в стране за постсоветский период? К концу 1990-х гг. данная структура «выглядела следующим образом: различных общественных форм хозяйства (колхозы, кооперативы, акционерные предприятия, товарищества и др.) – 28 тыс.; фермерских (крестьянских) хозяйств – 278 тыс.; подсобных хозяйств сельских жителей – 14 млн; садовых и огородных (так называемых дачных) участков горожан – около 28 млн. Более наглядное представление о социальной структуре аграрного сектора дают данные об удельном весе различных форм хозяйства в производстве валовой сельскохозяйственной продукции. В 1997 г. на долю общественных форм хозяйства приходилось 53,9% в ее создании, частных фермерских (крестьянских) хозяйств – 2,4%, подсобных (личных) хозяйств, садов и огородов – 43,7%» (*Пешехонов, 2000. С. 134*)⁴.

Несмотря на существенное падение количества хозяйств и участков в 2016-м по сравнению с 1990-ми гг., структура сельхозпроизводства осталась неизменной: два мощных и сопоставимых игрока на рынке АПК – это в 2013 г. сельскохозяйственные организации (47,6%) и хозяйства населения (42,6%) на фоне скромного вклада КФХ (менее 10%). Очевидно, что в секторе животноводства некоторый перевес в пользу сельскохозяйственных организаций имеется, в то время как в секторе растениеводства организации и население производят почти одинаковые объемы (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств,
в фактически действовавших ценах; млрд руб.; 1990 г. – трлн руб.**

Категория	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Хозяйства всех категорий							
Продукция сельского хозяйства	0,158	742,4	1380,9	2587,8	3261,7	3339,2	3687,1
в том числе:							
Растениеводства	0,058	394,7	669,8	1191,5	1703,5	1636,4	1918,8
Животноводства	0,100	347,7	711,1	1396,3	1558,2	1702,8	1768,3
Сельскохозяйственные организации							
Продукция сельского хозяйства	0,116	335,6	615,6	1150,0	1540,6	1600,8	1756,0
в том числе:							
растениеводства	0,044	189,0	294,4	485,9	775,4	738,1	840,6
животноводства	0,072	146,6	321,2	664,1	765,2	862,7	915,4

⁴ Давайте сравним эти данные с дореволюционной статистикой и тогда найдем очень много общего. «Вот как известный экономист-народник С.Н. Южаков оценивал ситуацию в сельском хозяйстве на конец 70-х гг. XIX в. По его расчетам, на долю народного производства (т.е. крестьянско-общинного производства на собственных и арендованных землях) приходилось почти 90% земель. Между тем как народное землевладение занимало всего 60% площади страны (без государственных земель). В свою очередь, поместное владение, занимая 40% площади страны, включая несельскохозяйственные угодья и необработываемые земли, на капиталистических началах использовало лишь около 10% всего земледельческого производства. Получалось так, что почти 2/3 обрабатываемой земли, находящейся в поместном владении, исключалось из частнокапиталистического пользования и на условиях аренды попадало в сферу народного (общинного) производства (*Рязанов, 1999. С. 335*).

Окончание табл. 1

Категория	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Хозяйства населения							
Продукция сельского хозяйства	0,042	383,2	681,0	1250,4	1426,9	1440,9	1569,8
в том числе:							
растениеводства	0,014	188,5	311,4	572,1	699,0	677,0	800,4
животноводства	0,028	194,7	369,6	678,3	727,9	763,9	769,4
Крестьянские (фермерские) хозяйства¹⁾							
Продукция сельского хозяйства	...	23,6	84,3	187,4	294,2	297,5	361,3
в том числе:							
растениеводства	...	17,2	64,0	133,5	229,1	221,3	277,8
животноводства	...	6,4	20,3	53,9	65,1	76,2	83,5

¹⁾ Включая индивидуальных предпринимателей.

Таблица 2

**Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств,
в фактически действовавших ценах; в % к итогу**

Категория хозяйства	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:								
сельскохозяйственные организации	73,7	50,2	45,2	44,6	44,5	47,2	47,9	47,6
хозяйства населения	26,3	47,9	51,6	49,3	48,3	43,8	43,2	42,6
крестьянские (фермерские) хозяйства ¹⁾	...	1,9	3,2	6,1	7,2	9,0	8,9	9,8

¹⁾ Включая индивидуальных предпринимателей.

Таблицы 3, 4 позволяют оценить вклад сельскохозяйственных организаций и хозяйства населения по различным видам продукции растениеводства и животноводства.

Таблица 3

**Производство основных видов сельскохозяйственной продукции
по категориям хозяйств, тыс. т**

Вид сельхозпродукции	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Сельскохозяйственные организации							
Зерно (в весе после доработки)	116334	59418	62727	46985	72330	54435	68852
Сахарная свекла	32325	13271	18813	19735	41168	39476	35232
Семена подсолнечника	3380	3303	4668	3900	6970	5789	7466
Картофель	10464	2222	2354	2213	4249	3855	3306
Овощи	7223	2475	2119	2069	2891	2502	2397
Плоды и ягоды	1180	424	498	322	395	581	624
Скот и птица на убой (в убойном весе)	7604	1787	2305	4342	4760	5415	6008
Молоко	42452	15271	14001	14313	14395	14753	14047
Яйца, млн шт.	37195	24143	27359	31316	31849	32768	32255
Шерсть (в физическом весе)	171	15	12	11	10	10	10
Мед, т	14102	5237	2903	1749	1642	1459	1462
Хозяйства населения¹⁾							
Зерно (в весе после доработки)	335	489	804	636	1076	734	784
Сахарная свекла	0,1	90	231	102	229	158	197
Семена подсолнечника	47	49	30	32	39	38	38

Окончание табл. 3

Вид сельхозпродукции	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Картофель	20381	26868	24980	17753	26019	23305	24841
Овощи	3105	8084	8448	8668	9783	10111	10199
Плоды и ягоды	1205	2261	1885	1778	2080	2040	2275
Скот и птица на убой (в убойном весе)	2507	2579	2565	2615	2532	2444	2300
Молоко	13261	16420	16088	16050	15725	15284	14678
Яйца, млн шт.	10275	9801	9521	8980	8932	8932	8731
Шерсть (в физическом весе)	56	23	27	29	29	29	27
Мед, т	31989	47827	48062	48063	55854	60553	64046
Крестьянские (фермерские) хозяйства²⁾							
Зерно (в весе после доработки)	7	5513	14272	13339	20807	15740	22749
Сахарная свекла	1,5	690	2232	2419	6246	5423	3892
Семена подсолнечника	0,1	567	1772	1413	2688	2166	3050
Картофель	2	375	802	1175	2414	2372	2052
Овощи	0,1	263	781	1388	2022	2013	2094
Плоды и ягоды	–	5	21	48	39	43	42
Скот и птица на убой (в убойном весе)	1	80	120	210	227	231	236
Молоко	2	568	981	1484	1526	1719	1804
Яйца, млн шт.	–	141	260	303	332	333	300
Шерсть (в физическом весе)	0,0	2	10	14	14	16	18
Мед, т	–	1184	1504	1723	2514	2886	2938

¹⁾ На основании данных выборочного обследования личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан.

²⁾ Включая индивидуальных предпринимателей; на основании данных выборочного обследования крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей.

Таблица 4

**Производство основных видов сельскохозяйственной продукции
по категориям, в % от общего объема производства**

Вид сельхозпродукции	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Сельскохозяйственные организации							
Зерно (в весе после доработки)	99,7	90,8	80,6	77,1	76,8	76,8	74,5
Сахарная свекла	99,99	94,5	88,4	88,7	86,4	87,6	89,6
Семена подсолнечника	98,6	84,3	72,1	73,0	71,9	72,4	70,7
Картофель	33,9	7,5	8,4	10,5	13,0	13,1	10,9
Овощи	69,9	22,9	18,7	17,1	19,7	17,1	16,3
Плоды и ягоды	49,5	15,7	20,7	15,0	15,7	21,8	21,2
Скот и птица на убой (в убойном весе)	75,2	40,2	46,2	60,6	63,3	66,9	70,3
Молоко	76,2	47,3	45,1	44,9	45,5	46,5	46,0
Яйца	78,4	70,8	73,6	77,1	77,5	78,0	78,1
Шерсть (в физическом весе)	75,5	37,8	25,7	19,7	18,1	17,8	18,3
Мед	30,6	9,6	5,5	3,4	2,7	2,3	2,1
Хозяйства населения							
Зерно (в весе после доработки)	0,3	0,8	1,1	1,0	1,1	1,0	0,9
Сахарная свекла	0,0	0,6	1,1	0,4	0,5	0,4	0,5
Семена подсолнечника	1,4	1,2	0,5	0,6	0,4	0,5	0,4
Картофель	66,1	91,2	88,8	84,0	79,6	78,9	82,3
Овощи	30,1	74,7	74,4	71,5	66,6	69,1	69,4
Плоды и ягоды	50,5	84,1	78,4	82,8	82,7	76,6	77,3

Окончание табл. 4

Вид сельхозпродукции	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Скот и птица на убой (в убойном весе)	24,8	58,0	51,4	36,5	33,7	30,2	26,9
Молоко	23,8	50,9	51,8	50,4	49,7	48,1	48,1
Яйца	21,6	28,8	25,7	22,1	21,7	21,2	21,2
Шерсть (в физическом весе)	24,5	56,8	54,7	54,4	54,9	52,0	49,1
Мед	69,4	88,2	91,6	93,3	93,1	93,3	93,6
Крестьянские (фермерские) хозяйства¹⁾							
Зерно (в весе после доработки)	0,01	8,4	18,3	21,9	22,1	22,2	24,6
Сахарная свекла	0,01	4,9	10,5	10,9	13,1	12,0	9,9
Семена подсолнечника	0,0	14,5	27,4	26,4	27,7	27,1	28,9
Картофель	0,0	1,3	2,8	5,5	7,4	8,0	6,8
Овощи	0,0	2,4	6,9	11,4	13,7	13,8	14,3
Фрукты и ягоды	-	0,2	0,9	2,2	1,6	1,6	1,5
Скот и птица на убой (в убойном весе)	0,01	1,8	2,4	2,9	3,0	2,9	2,8
Молоко	0,0	1,8	3,1	4,7	4,8	5,4	5,9
Яйца	-	0,4	0,7	0,8	0,8	0,8	0,7
Шерсть (в физическом весе)	0,0	5,4	19,6	25,9	27,0	30,2	32,6
Мед	-	2,2	2,9	3,3	4,2	4,4	4,3

¹⁾ Включая индивидуальных предпринимателей.

Так, на хозяйства населения приходится более 80% производства картофеля. Они же обеспечили в 2013 г. немногим менее 80% овощей, плодов и ягод; одинаково сложились пропорции (по 46%) в производстве молока; явное преимущество за населением наблюдается в производстве шерсти (почти 50%).

И, наконец, абсолютный рекорд: хозяйства населения обеспечивают почти 94% производства меда, ценнейшего продукта на внутреннем рынке и имеющего высокий потенциал экспорта в дальнее зарубежье.

Итак, мы привели большое количество статистических данных, подтверждающих, что дачи в постсоветской России почти аналогичны производственным единицам, представляя собой некое дополнение «официальной пищевой промышленности». *Иными словами, для россиян, особенно жителей малых и средних городов и азиатской части России, характерно использование дач именно в качестве источников обеспечения продовольствием, а не как средства отдыха и развлечений.* Это означает, что «дачеизация» в постсоветской России является формой «рурализации» и, следовательно, имеет самое прямое отношение к дезурбанизации. Здесь следует учесть, что помимо численности населения другой важнейший критерий, по которому то или иное поселение можно считать городским, – сфера деятельности людей, в нем проживающих. По критериям, используемым в России, не менее 85% населения города не должно быть занято в сельском хозяйстве. Но «дачеизация» в постсоветском российском варианте приводит к тому, что все большее количество номинальных горожан вовлекается в сельский образ жизни. Вот почему «дачеизация» может трактоваться как одна из специфических форм дезурбанизации в постсоветской России. Почему же в постсоветский период стала происходить дезурбанизация многих городов и регионов, а «дачный образ жизни» привлекает все больше горожан? И как трактовать такую «дачеизацию» постсоветской России на основе инструментария институциональной теории «в духе» Д. Норта?

«Дачеизация» как одна из сторон становления семейно-кланового капитализма и форма дезурбанизации в постсоветской России

Дело в том, что в постсоветской России в начале 1990-х гг. стала формироваться экономическая система особого типа, отличающаяся и от «нормального» рыночного

капитализма («западного образца»), и от планового социализма. Мы предпочитаем называть эту систему *семейно-клановым капитализмом* (Розмаинский, 2009. С. 56).

В отличие от рыночного капитализма в семейно-клановом государстве не является эффективным «защитником» контрактов. Принуждение к выполнению контрактов осуществляется через семьи и кланы – олигархов и чиновников⁵. Экономические субъекты, тесно связанные с привилегированным олигархическим или чиновничьим бизнесом, оказываются в гораздо более надежном положении, чем субъекты, у которых подобных связей нет. Последние часто сталкиваются с необоснованными административными барьерами входа на тот или иной рынок и прочими проявлениями оппортунизма, более частыми, чем в условиях рыночного капитализма. В целом в рамках семейно-кланового капитализма законы нередко противоречат друг другу и зачастую не соблюдаются, правосудие носит «избирательный» характер. Взятничество и вымогательство оказываются важными способами координации хозяйственной деятельности, а «равенство перед законом» всех граждан отсутствует.

Одно из важнейших следствий описанной институциональной среды семейно-кланового капитализма – «фрагментация» хозяйства. Общество распадается на множество замкнутых сообществ, существующих по своим собственным, внутренним нормам поведения⁶. Кроме того, завышенная неопределенность приводит к распространению ориентации на быструю окупаемость «бизнес-проектов». Инвестиции с длительным сроком окупаемости зачастую отвергаются. Данный аспект взаимосвязан с заниженной оценкой будущего времени, проявляющейся, в частности, в том, что при принятии решений будущие переменные с какого-то порогового момента вообще не учитываются в расчетах⁷.

Во всех этих аспектах как раз и заключаются фундаментальные отличия институциональных характеристик экономики постсоветской России от аналогичных характеристик большинства постсоциалистических экономик стран Восточной Европы типа Польши или Словакии. В указанных странах проблемы, связанные с завышенной неопределенностью, заниженной оценкой будущего времени, взаимным недоверием, высокими административными барьерами входа на многие рынки, взяточничеством и вымогательством, не столь значимы. Не случайно по уровню восприятия коррупции в 2015 г. Россия находилась на 119-м месте, в то время как, скажем, Польша – на 30-м, а Словакия – на 50-м (*Corruption Perceptions Index, 2015*).

Формирование институтов семейно-кланового капитализма, деиндустриализация⁸ и дезурбанизация так же соотносятся друг с другом, как формирование институтов, способствующих индустриализации, и урбанизация. Тенденция к отсутствию равенства людей перед законом, попадание в условия «правового беспредела», «фрагментация» экономики означали завышенную неопределенность будущего. *При такой большой неопределенности хозяйственная деятельность на основе широких и разветвленных*

⁵ При этом в 1990-е гг. ключевую роль играли олигархические кланы, тогда как в 2000–2010-е гг. – чиновничьи кланы. Важнейшую роль в формировании семейно-кланового капитализма в 1990-е гг. сыграла специфика шоковой терапии в постсоветской России с ее криминальной составляющей в виде залоговых аукционов и т.д.

⁶ Помимо институциональных причин, к «лоскутности» и «фрагментарности» хозяйственной и социальной жизни могут приводить и технологические факторы, в частности, «низкая инфраструктурная насыщенность» городов (Карачурина, 2013. С. 35). Впрочем, как видно из хода рассуждений, неэффективные институты способствуют технологической деградации.

⁷ Мы называем такое «отсечение» будущих переменных из рассмотрения, или короткий горизонт планирования, *инвестиционной близорукостью* (Розмаинский, 2009. С. 57). Стоит также отметить, что особую важность инвестиционная близорукость приобретает тогда, когда ею начинают «страдать» лица, ответственные за принятие значимых политических решений. Здесь возникают пересечения с рассуждениями Д. Норта (Норт, 2010. С. 225) о рассогласовании тех горизонтов планирования, которые необходимы для институтов, и тех горизонтов планирования, которыми оперируют лица, принимающие политические решения.

⁸ В качестве иллюстративного примера деиндустриализации в постсоветской России приведем лишь данные по динамике производства станков с ЧПУ: «если в 1990 г. в РСФСР было выпущено 16,7 тыс. станков с ЧПУ, то в 1996–1999 гг. их выпуск составлял по 100 штук в год – в 167 раз меньше! В 2000 г. производство таких станков выросло в два раза – на сотню штук – и составило 200 станков. В 2001 г. было выпущено 257 станков с ЧПУ. А потом снова последовал резкий спад» (Сапранков, 2012).

сетей безличных взаимодействий оказывается затрудненной, а иногда и невозможной. Но тогда подрываются основы для эффективного функционирования в условиях городской среды. Экономические «основания» для развития промышленности исчезают, и быстро разворачивается процесс деиндустриализации⁹ и технологического отставания. Можно отметить, что «технологическая отсталость большинства промышленных предприятий» и «высокий уровень износа основных фондов», наряду с «невыгодными конкурентными позициями» и «зависимостью от градообразующих предприятий» рассматриваются некоторыми исследователями (Лаамарти и Кофанов, 2012. С. 6) в качестве «наиболее актуального проблемного набора» для буквально каждого малого города современной России. Указанные проблемы дают непосредственный импульс дезурбанизации таких городов в нашей стране, но в их основе, на наш взгляд, – рассмотренные институциональные факторы. Именно в начале 1990-х указанные институты начали «проявлять себя», и именно тогда же стала распространяться практика комбинирования возможностей города (типа челночного бизнеса или мелкой торговли) и «картофельно-овощной» дачи (деревни). Так и получили новый импульс упомянутые выше процессы «дачеизации» (Карачурина, 2012) и «рурализации» (Нефедова, 2011).

И именно в этом же отсутствии основ для эффективного безличного взаимодействия – причины депопуляции многих городов постсоветской России, депопуляции, примеры которой приводились выше. Отсутствие эффективных институтов мешает развитию безличных взаимодействий экономических субъектов, а отсюда препятствует крупномасштабным инвестициям и, следовательно, формированию инфраструктуры, делающей осмысленной жизнь в городских условиях. Вот почему постсоветская Россия столкнулась с дезурбанизацией, особенно средних и малых городов. И вот почему многие номинальные горожане стали ориентироваться на сельский образ жизни: *стремление к самообеспечению продовольствием и другими жизненно необходимыми благами является следствием институтов, препятствующих или не способствующих эффективным безличным взаимодействиям экономических субъектов.*

Социокультурное измерение дачи и ее роль как источника органического сельского хозяйства в России: вне форсайта и по заветам Д.И. Менделеева

Из вышеприведенных рассуждений могло создаться впечатление, что авторы статьи воспринимают российскую дачу исключительно как источник фрагментации и технологической деградации отечественной экономики. Однако это совершенно не так.

Во-первых, хотя «дачеизация» и может способствовать меньшей экономической эффективности и тормозить технологическое развитие из-за ухода дачников от рыночных, товарно-денежных отношений, дачный образ жизни может благотворно повлиять на благосостояние людей через «социокультурное» воздействие на их жизнь. Иными словами, позитивные аспекты «дачеизации» могут быть связаны с социокультурным измерением дач.

В этой связи нам хотелось бы сослаться на изучение дачных практик в исследовании Е.В. Полухиной. Автор подчеркивает огромную роль дачи «как социального института, обеспечивающего устойчивые социальные связи – семья и соседи (здесь важно отметить помощь и взаимовыручку, обмен опытом, духовное общение. – *Прим. авт.*)... Современный город исключает некоторые группы. В основном это касается нетрудоспособных горожан – пенсионеров и детей. Это взаимосвязанные группы и типичные участники дачного взаимодействия... Это пространство и значимые взрослые формируют для детей естественный распорядок дня: сон, питание, чтение, постоянное нахождение на свежем воздухе, спорт... Всилу отсутствия у ребенка четкого представления

⁹ Впрочем, некоторые исследователи при помощи деиндустриализации объясняют феномены «сжимающихся городов» и в западных странах рыночного капитализма, например, в Англии применительно к Манчестеру и Ливерпулю, см.: (Ефремова, 2015. С. 91).

о социальном мире, его структуре «друзьями с дачи» могут быть дети из совершенно разных классов и социальных групп... Дача создает возможность для специальных рекреационных форм – купание, собирание грибов, ягод, участие в ритуалах, подобных вечернему чаепитию из самовара и слушанию бобинного магнитофона. Внешний вид «дачника» отличается от вида типичного горожанина. Сам процесс переодевания «в дачное» означает переход в пространство с другими правилами, ритмом жизни и культурой» (Полухина, 2014. С. 28–29). Пребывание на даче продлевает жизнь и лечит лучше любых лекарств, дача – важный элемент здорового образа жизни семьи и простор для домашних питомцев, коих в России насчитывается очень много (Россия находится на втором месте в мире по количеству домашних животных на душу населения после США). «Дача как элемент устойчивого социального развития горожан обладает значительным потенциалом. Согласно идеям Рональда Инглхарта, основателя теории постматериалистического сдвига в западных индустриальных обществах, с ростом и развитием экономики меняется ценностная структура: постматериалистические ценности, такие как чистый воздух, экология, здоровье, начинают играть большую роль, чем материалистические – квартиры, машины, дачи» (Полухина, 2014. С. 24).

Другой, возможно, даже более важный, положительный аспект дачного образа жизни связан с тем, что дачи являются источником органического стиля ведения сельского хозяйства. Дачники как активный игрок на рынке отечественного АПК – это «солдат» явно не из армии промоутеров научно-технологического форсайта, а скорее «солдат», «вооруженный» почти традиционным набором сельхозорудий и стоящий на линии сопротивления внедрению современных биотехнологий в сельскохозяйственном и пищевом производстве. Значительный практический опыт соавтора статьи в проведении цикла молодежных форсайт-игр на базе Национального исследовательского Томского государственного университета (Ложникова *et al.*, 2013) убеждает в следующем. Позиция приверженности традиционным технологиям органического сельского хозяйства и, как следствие, «натуральности» продуктов питания имеет широкое распространение не только среди населения старших возрастных категорий, но и среди молодежи также. Очень незначительная часть участников форсайт-игр в предметной области «пищевые биотехнологии» оказалась сторонницей внедрения биотехнологий в производство продуктов питания. Зато самую активную поддержку молодежной аудитории получили именно технологии по производству новых недорогих приборов, которые бы позволяли населению определять натуральное происхождение покупок продовольственного рода (яиц, молока, мяса и др.). И в этом смысле мы можем полностью подтвердить практикой теоретический постулат Д. Норта о первичном характере социальных институтов.

Как известно, органическое сельское хозяйство как производитель натуральных, экопродуктов все больше становится мировым трендом и практикуется в 170 странах. Органическое сельское хозяйство обеспечивает сохранение экологически чистыми почвы, воздуха и грунтовых вод. Биологические методы повышения плодородия почвы и защиты растений позволяют восстановить нарушенные экосистемы, увеличить разнообразие сельхозкультур. Производители обходятся без поставок пестицидов, гербицидов, антибиотиков, гормонов роста. Объем органических площадей в иностранных государствах в 2013 г. составил 43,1 млн га, в то время как в 1999-м – всего 11 млн. К примеру, Дания в 2015 г. заявляла об инвестициях 53 млн евро для перевода национального сельского хозяйства на органические рельсы. Власти в этой европейской стране поставили задачу таким образом: к 2020 г. удвоить количество земель, занятых органическим сельским хозяйством, а к 2030-му уже полностью перейти на органическое земледелие.

Что касается России, то она обладает уникальным потенциалом для ведения органического сельского хозяйства: «1. Около 40 млн га пашни в России просто выведено из оборота, а кое-где поля не видели химических удобрений со времен

распада СССР. Земля успела отстояться и поэтому подходит для ведения сельского хозяйства органическим способом. Во всем мире такие земли – дефицит. 2. Количество минеральных удобрений, используемых в нашей стране, в десятки раз меньше, чем во многих странах мира, к примеру, в 11 раз по сравнению с США, в 23 – с Китаем. Кроме того, в России используют гораздо меньше средств химической защиты от вредителей и болезней на полях. В данном случае этот факт приобретает положительное значение. 3. Наличие уникальной отечественной органической продукции, не имеющей аналогов на международном рынке:

- отдельные российские культуры либо слабо культивируют на Западе, либо не выращивают там вовсе (гречневая крупа, кедровые орехи, наши традиционные сорта фруктов и овощей, некоторые масличные семена и плоды маслосодержащих культур и многое другое);
- у нас множество минеральных источников воды, превосходящих по своим характеристикам известные зарубежные бренды;
- мы сохранили исконно русские породы в животноводстве, которые выносливы и очень устойчивы к болезням, что позволяет успешно содержать их в естественных условиях без постоянного применения антибиотиков и гормонов роста» (*Ефимова, 2015*).

«Фермерские продукты» – важный тренд на рынке российской еды (в производстве, доставке), ориентированный на здоровье. Принято считать, что органическое земледелие началось в прошлом веке с философа Альберта Говарда, которого больше, чем экономическая целесообразность, заботили вопросы этики и справедливости. Общеизвестен факт того, что модель органического сельского хозяйства предполагает снижение урожайности сельскохозяйственных культур. Первым экофермером в мире считается британец Ив Бэлфор (1939 г.), а человеком, совместившим духовную и экономическую составляющие, считается японец Масанобу Фукуока.

Мы осмелимся оспорить данные утверждения, особенно в контексте приоритета по времени, основываясь на биографических фактах из жизни нашего выдающегося соотечественника Д.И. Менделеева, который лично занимался сельским хозяйством в своем имении в Боблове, устроив там систему опытных полей (впервые в России, по утверждению выдающегося ученика Д.И. Менделеева – К.А. Тимирязева). Например, он первым как в России, так и на Западе поставил вопрос о методике полевого опыта (*Менделеев, 1954. С. 18*). В растениеводстве основным видом удобрения Д.И. Менделеев считал навоз, а минеральные удобрения относил к «подсобным». А в животноводстве Д.И. Менделеев резко выступал против внедрения иностранных пород, которые часто вообще не годились для природных и климатических условий России, пытаясь пропагандировать «русскую породу» скота. В частности, великий учёный стремился к тому, чтобы Вольное экономическое общество поощряло производство молока и сыроварение, основанное на деятельности артелей (*Менделеев, 1954. С. 32*).

В ответ на публикацию результатов исследования И.В. Розмаинского (*Розмаинский, 2011*), поднявшего важную проблему снижения качества товаров и услуг в условиях «развития капитализма», М.Ю. Малкина подготовила свой ответ (*Малкина, 2014*). Она проанализировала эволюцию трех институтов государственного регулирования качества в РФ: стандартизации, сертификации и защиты прав потребителя. В статье были сделаны выводы о том, что поддержание качества товаров и услуг должно осуществляться через формирование иерархии взаимодополняющих друг друга институтов, где ключевую роль играют институты первого порядка, выступающие в качестве «базы» для прочих институциональных «надстроек».

В этой связи считаем важным ввести в русло этих рассуждений важнейший тезис об уникальности секторов сельского хозяйства и пищевой промышленности, где население выступает не только крупнейшим потребителем, но и одновременно

крупнейшим производителем сырья и готовой продукции. Именно хозяйства населения и выступают в данном случае гарантом высокого качества продукции первого порядка, а стандартизация, сертификация и защита прав потребителя в этих отраслях могут и не играть определяющей роли.

Вместо заключения: дача как институт постсоветской России

Выше было показано, что возрастающая роль дач – «дачеизация» – в советском и постсоветском периодах была обусловлена институтами как планового социализма СССР, так и семейно-кланового капитализма постсоветской России. Более того, особенно в постсоветский период дачу можно рассматривать как один из основополагающих институтов, важную составляющую образа социальной жизни современных россиян.

С одной стороны, «дачеизация» была формой дезурбанизации, технологической деградации и фрагментации постсоветской российской экономики. Активность населения на дачных участках в виде производства разнообразных продуктов питания означала и означает нерыночный характер значительной части экономических отношений в нашей стране.

С другой стороны, дачный образ жизни может играть положительную роль как генератор постматериалистических ценностей – здоровье и чистый воздух вместо квартир и машин, а также источник органического стиля ведения сельского хозяйства. Последнее, в частности, означает, что «дачеизация» может способствовать как улучшению экологической обстановки, так и повышению качества продуктов питания.

Таким образом, в будущем в течение весьма длительного времени дачи будут играть важную роль как социальный институт, культурный феномен и источник обеспечения российского населения продуктами питания. И не будем забывать, что «чем разнообразнее институты в хозяйственном порядке, тем легче происходит адаптация к различным шокам, таким как экономические кризисы» (Вольчик, 2012. С. 5). Дачи могут иметь такое важное адаптирующее значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Браде И. (2014). Между дачей и фешенебельной резиденцией. Взгляд с Запада // *Известия РАН*, № 4, с. 33–38. Серия: Географическая.

Вольчик В. В. (2012). Институциональные изменения: на пути к общей теории // *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований)*, т. 4, № 4, с. 4–6.

ВЦИОМ (2005). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=182&q_id=14890&date=07.09.2005 – Дата обращения: 14.03.2016).

ВЦИОМ (2009). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=604&q_id=43798&date=24.05.2009 – Дата обращения: 14.03.2016).

ВЦИОМ (2010). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=677&q_id=48869&date=22.05.2010 – Дата обращения: 14.03.2016).

ВЦИОМ (2012). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=861&q_id=60214&date=08.07.2012 – Дата обращения: 14.03.2016).

ВЦИОМ (2013а). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=906&q_id=62983&date=12.05.2013 – Дата обращения: 14.03.2016).

ВЦИОМ (2013б). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=906&q_id=62984&date=12.05.2013 – Дата обращения: 14.03.2016).

Гульбина Н. И. (2004). Теория институциональных изменений Д. Норга // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, с. 123–129.

Грегори П. (2008). Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 400 с.

Ефимова Н. (2015) Зеленая экономика (<http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/news/smi/select/select-6-2015.pdf> – Дата обращения: 01.12.2016).

Ефремова В. А. (2015). Отечественный и зарубежный опыт изучения городов, теряющих население: тематика, методы и центры исследований // *Региональные исследования*, № 3(49), с. 86–98.

Карачурина Л. (2012). Российские города в эпоху депопуляции // *Демоскоп Демоскоп Weekly*, № 519–520, с. 1–21.

Карачурина Л. (2013). Демографические трансформации городов в постсоветской России // *Региональные исследования*, № 3(41), с. 23–36.

Корнаи Я. (2012) Размышления о капитализме. М.: Изд-во Института Гайдара, 352 с.

Крючкова П. В. (2011). Привыкание домохозяйств к рынку // *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований)*, т. 3, № 1, с. 8–27.

Лаамарти Ю. А. и Кофанов А. В. (2012). Малые города в современной России // *Социология города*, № 4, с. 3–16.

Ложникова А. В., Муравьев И. В., Кузнецов А. А. и Щетинин П. П. (2013). Форсайт-клуб ТГУ как полигон исследовательских задач для студентов и молодых ученых // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, № 1(21), с. 164–168.

Малкина М. Ю. (2014). Институциональные основы снижения качества товаров и услуг в условиях рыночной экономики (ответ И. В. Розмаинскому) // *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований)*, т. 6, № 4, с. 77–97.

Менделеев Д. И. (1954). Работы по сельскому хозяйству и лесоводству. М.: Изд-во Академии наук СССР. 620 с.

Нефедова Т. Г. (2011). Российские дачи как социальный феномен // *SPEPO Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*, № 15, осень-зима. с. 161–173 (<http://speropol.ru/current.shtml>).

Нефедова Т. Г. (2015). Российские дачи в разном масштабе пространства и времени // *Демоскоп Демоскоп Weekly*, № 657–658, с. 1–20.

Новосельцева О. (2008). Концепт «дача» в повести Владимира Каминера «Моя жизнь на даче» («Mein leben im Schrebergarten») // *Вестник КГУ им. Некрасова*, т. 14, с. 234–238.

Норт Д. С. (2006). Эффективность функционирования экономики в историческом времени / Нобелевские лекции – 100 лет, том IV, 1991–1994. М.: The Nobel Foundation, 405 с., с. 177–203.

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 256 с.

Пешехонов В. А. (2000). Аграрная реформа в России: принципы, содержание, результаты / Экономические реформы в России и Китае глазами российских и китайских ученых. СПб.: Шанхай: Изд-во СПбГУ, 221 с.

Полухина Е. В. (2014). Особенности социального порядка в постсоветском дачном пространстве: труд, поколения и гендер // *Журнал социально-гуманитарных исследований «Лабиринт»*, № 3, с. 22–31.

Розмаинский И. В. (2009). Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход // *Вопросы экономики*, № 6, с. 48–59.

Розмаинский И. В. (2011). Почему «развитие капитализма» сопровождается ухудшением качества товаров? // *TERRA ECONOMICUS*, т. 9, № 1, с. 8–16.

Розмаинский И. В. (2016). Посткейнсианцы и Дуглас Норт о неопределенности и институтах: пропущенная связь? // *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований)*, т. 8, № 3, с. 35–46.

Росстат (2016). (<http://fermer.ru/news/rosstat-podvel-pervye-operativnye-itogi-vshp-2016-273357> – Дата обращения: 04.12.2016).

Рязанов В. Т. (1999). Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 796 с.

Сапранков Д. А. (2012). Деиндустриализация в России как угроза ее промышленной и энергетической безопасности. (<http://www.rae.ru/forum2012/21/2543> – Дата обращения: 11.03.2016).

Фонд общественное мнение (2014). (<http://fom.ru/Obraz-zhizni/11703> – Дата обращения: 14.03.2016).

Шварцбург Д. (2011). Малый бизнес в российской олигополистической экономике // *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES* (Журнал институциональных исследований), т. 3, № 2, с. 59–98.

Chang H.-J. (2011). Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History // *Journal of Institutional Economics*, vol. 7, no. 4, pp. 474–498.

Corruption Perceptions Index (2015).

Greif A. and Mokyr J. (2016). Cognitive Rules, Institutions and Economic Growth: Douglas North and Beyond // *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 1, pp. 25–52.

REFERENCES

Brade I. (2014). Between Dacha and Fashionable Residence. View from the West Запада. *Izvestiya RAN. Series Geographical*, no. 4, pp. 33–38. (In Russian).

Chang H.-J. (2011). Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History. *Journal of Institutional Economics*, vol. 7, no. 4, pp. 474–498.

Corruption Perceptions Index (2015).

Efimova N. (2015). Green Economy (<http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/news/smi/select/select-6-2015.pdf> – Date of Access: 01.12.2016). (In Russian).

Efremova V. A. (2015). Domestic and Foreign Experience of Population-Losing Cities' Studies: Themes, Methods and Centers of Investigations. *Regional Studies*, no. 3(49), pp. 86–98. (In Russian).

FOM (2014). (<http://fom.ru/Obraz-zhizni/11703> – Access Date: 14.03.2016). (In Russian).

Gregory P. (2008). Political Economy of Stalinism. M.: ROSSPAN. (In Russian), 400 p.

Greif A. and Mokyr J. (2016). Cognitive Rules, Institutions and Economic Growth: Douglas North and Beyond. *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 1, pp. 25–52.

Gul'bina N. I. (2004). D. North's Theory of Institutional Change. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, pp. 123–129. (In Russian).

Karachurina L. (2012). Russian Towns in the Era of Depopulation. *Demoscope Demoscope Weekly*, no. 519–520, pp. 1–21. (In Russian).

Karachurina L. (2013). Demographic Transformations of Cities in the Post-Soviet Russia. *Regional Studies*, no. 3(41), pp. 23–36. (In Russian).

Kornai J. (2012). Reflections on Capitalism. Moscow: Gaydar's Institute Press, 352 p. (In Russian).

Kryuchkova P. V. (2011). Habituation of Households to the Market. *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES*, vol. 3, no. 1, pp. 8–27. (In Russian).

Laamarti Y. A. and Kofanov A. V. (2012). Small Towns in Contemporary Russia. *Sotsiologiya goroda*, no. 4, pp. 3–16. (In Russian).

Lozhnikova A. V., Muravyov I. V., Kuznetsov A. A. and Shchetinin P. P. (2013). Foresight-Club of TGU as a Facility for Research Tasks for Students and Young Scientists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, no. 1 (21), pp. 164–168. (In Russian).

Malkina M. Yu. (2014). Institutional Frameworks of the Reducing Quality of Goods and Services in the Market Economy (the Answer to I. V. Rozmainsky). *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES*, vol. 4, no. 4, pp. 77–97. (In Russian).

Mendeleev D. I. (1954). Works On Agriculture and Forestry. M.: RAN Press, 620 p.

Nefyodova T. G. (2011). The Russian "Dacha" as a Social Phenomenon. *SPERO*. № 15, pp. 161–173. (<http://spero.socpol.ru/current.shtml>) (In Russian).

Nefyodova T. G. (2015). The Russian “Dacha” in the Various Scales of Space and Time. *Demoscope Weekly*, no. 657–658, pp. 1–20. (In Russian).

North D. (2006). Economic Performance in Historical Time / Nobel Lectures – 100 Years, vol. IV, 1991–1994. M.: The Nobel Foundation, 405 p., pp. 177–203. (In Russian).

North, D. (2010). Understanding the Process of Economic Change. M.: HSE Press, 256 p. (In Russian).

Novosel'tseva O. (2008). Concept of “Dacha” in Vladimir Kaminer’s Novel “My Life at Dacha” («Mein leben im Schrebergarten»). *Vestnik KGU*, vol. 14, pp. 234–238. (In Russian).

Peshekhonov V. A. (2000). Agrarian Reform in Russia: Principles, Content, Results / Economic Reforms in Russia and China from Point of View of Russian and Chinese Scientists. Saint Petersburg - Shanghai: Saint Petersburg University Press, 221 p.

Polukhina E. V. (2014). The Special Features of Social Order in the Post-Soviet Space of Dacha: Labour, Generations and Gender. *Journal of Social-and-Humanitarian Studies “Labirynt”*, no. 3 pp. 22–31. (In Russian).

Rosstat (2016). (<http://fermer.ru/news/rosstat-podvel-pervye-operativnye-itogi-vshp-2016-273357> – Date of Access: 04.12.2016). (In Russian).

Rozmainsky I. V. (2009). Uncertainty and Institutional Evolution in Complex Economic Systems: Post Keynesian Approach. *Voprosy Ekonomiki*, no. 6, pp. 48–59. (In Russian).

Rozmainsky I. V. (2011). Why the Quality of Goods Deteriorates While “The Capitalism Develops”? *TERRA ECONOMICUS*, vol. 9, no. 1, pp. 8–16. (In Russian).

Rozmainsky I. V. (2016). The Post Keynesians and Douglas North About Uncertainty and Institutions: The Missing Link? *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES*, vol. 8, no. 3, pp. 35–46. (In Russian).

Ryazanov V. T. (1999). Economic Development of Russia: Reforms and the Russian Economy in the XIX – XX Centuries. Saint Petersburg: Nauka, 796 p. (In Russian).

Saprankov D. A. (2012). Deindustrialization in Russia as a Threat to Its Industrial and Energetic Safety (<http://www.rae.ru/forum2012/21/2543> – Date of Access: 11. 03. 2016). (In Russian).

Shvarzburd T. (2011). Small Business in the Russian Oligopolistic Economy. *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES*, vol. 3, no. 2, pp. 59–98. (In Russian).

Volchik V. V. (2012). Institutional Changes: Toward A General Theory. *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES*, vol. 4, no. 4, pp. 4–6. (In Russian).

WCIOM (2005). (In Russian). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=182&q_id=14890&date=07.09.2005 – Access Date: 14.03.2016). (In Russian).

WCIOM (2009). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=604&q_id=43798&date=24.05.2009 – Access Date: 14.03.2016). (In Russian).

WCIOM (2010). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=677&q_id=48869&date=22.05.2010 – Access Date: 14.03.2016). (In Russian).

WCIOM (2012). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=861&q_id=60214&date=08.07.2012 – Access Date: 14.03.2016). (In Russian).

WCIOM (2013a). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=906&q_id=62983&date=12.05.2013 – Access Date: 14.03.2016). (In Russian).

WCIOM (2013b). (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=906&q_id=62984&date=12.05.2013 – Access Date: 14.03.2016). (In Russian).